

Жалобы

(Из страниц о войне)

Стою на платформе, сажают солдат в вагоны, бабы ревут, пьяные орут, трезвые смотрят так, точно с них кожу одирать будут через час. Сразу, знаете, видно, что народ, понимаете—народ!—собирается защищать свою страну от коварного врага и так далее. Чорт! Между прочим прискорбными рожами вижу одну—настоящий эдакий великорусскрудища, ручищи, нос картофелиной, глаза голубые и—это спокойное лицо... эдакое терпеливое, чорт его возьми, лицо уверенное такое... уверенное в том, что ничего хорошего не может быть, не будет никогда! Держит за плечо свою оплаканную, раскисшую в слезах бабенку и внушает ей могильным голосом, но—спокойно, заметьте, спокойно, дьявольщина, внушает кому, что продать, сколько взять и прочее. Никаких надежд на возвращение, видимо, не питает, и не мобилизация это для него, а—ликвидация жизни, всей жизни, понимаете!

Я ему говорю,—что-ж ты, братец мой, так уж, а?! Отправляешься на эдакое дело, а духа—ника-

кого! Надо, братец мой, дух боевой иметь, надо надеяться на победу и возвращение домой со славой! Надо, мол, исполнять долг с жаром, с огнем и страстью! Для родины это, пойми... Мы говорит ваше благородие, это понимаем! Мы, говорит, согласны исполнить все, что прикажут. Да ты, говорю, сам-то как—хочешь победы? Нам, говорит, не то что победа, а хоть бы и совсем не воевать. Тьфу! Тут его унтер пихнул в вагон.

— В вагоне грязно, накурено, насорено—если не указать на это, они не видят, расковыривают за чем то скамьи, соскребают со стен краску, плюют куда попало. Отношение ко всему—мерзейшее: на станциях отламывают крышки кадок с водой, чорт знает зачем хлопая ими во всю силу; ломают деревья, гадят везде безобразно в вообще имеют вид чужих людей в чужой земле. Так себе—проезжают мимо. Мимо! Дорогой приходилось разговаривать с ними и, знаете, хотелось! Ведь с этими людьми назначено мне жить и умирать, я должен руководить ими в борьбе против врага и прочее... До некоторой степени я зависим от них. Итак, ребята, говоришь им, мы едем защищать Россию. Смотрят внимательно, а глаза—чужие, и нельзя понять, что думают эти люди.—Вы понимаете,—что такое Россия, родина?—Так точно,—говорят некоторые.—Что же такое родина, Шве-

цов?—это тот самый новгородский, голубоглазый. Надо вам сказать, что он сел мне в голову сразу и глубоко... да я уж говорил это!— Ну, Швецов?—Никак нет, ваше благородие! — отвечает он—правдиво говорит, чорт побери, сразу видно, что от души. Надо объяснять. А признаться, я сам до той поры об этом предмете не думал. Россия, ну и чудесно! Границы такие-то, царствующий дом, армия и прочее. Не более. Но о том, что армия из народа выцежена, и о том, что такое этот народ по своему духовному строю—не приходилось думать... «Русский народ добродушен и белокур»—это я, конечно, знал, но, что он не весь белокур и не совсем добродушен, это мне не приходило в голову. Чудесно. И вот, сидя на станции в ожидании дальнейшего движения, веду я речь о России, об ее целях в Тихом океане—газеты я читал и насчет Тихого океана что то знал тогда. Говорю—с... Кончил — поняли?—Так точно, ваше благородие!—отвечают мне эти русские люди, которым необходимо выйти на берега Тихого океана, отвечают дружно, а я вижу, что—врут: ничего не поняли и ни мало не интересно им все это. Швецов этот, так он, знаете, демонстративно ничего не понял: прижимает меня голубыми глазами своими в угол и видимо, что-то хочет спросить, но—не решается, что ли. — Ты понял, Швецов?—Никак

нет.—Почему?—Так, что, ваше благородие, ежели взять всю землю, как волость, примерно, то хоша деревни разные, однако-ж мужики везде одинаковы и все, стало быть, вроде как шабры на земле, а ежели деревня против деревни в колья пойдет, то, надо думать, никакой жизни и выгоды никому не будет, а только драка и кровопролитие...

Одним словом, мне вскоре стало совершенно ясно, что я еду драться с людьми, которые не понимают, зачем нужно драться. Я должен внушить им боевой дух... Должен! Они же не верят ни единому слову моему, а как будто в глубине души каждого живет убеждение, что эта война—мною начата, мне нужна, а больше никому.

Был случай: поймали китайца-шпиона, и вот—сидит он на земле, около него двое конвоиных—Швецов этот и Хубайдулин, татарин. Слышу—Хубайдулин ведет с китайцем (вполголоса, на эдаком дурацком языке, дружескую беседу:

— Твоя земля хороша есть...

Китаец отвечает точно Швецов:

— Ваша моя чисто зорил кончал моя.

А Швецов говорит:

— Мы, брат, тут не причем... Приказано—иди! Вот и пришли. Мы сами—земляной народ. Мы понимаем. Мы—и так далее, совершенно в том тоне, как говорят мужики из рассказов старых писателей.

...Лежим, помню, в траншее, мороз, неистово садит ветер, где то

бухает артиллерия и вся земля эта проклятая, напоенная нашей кровью, вздрагивает, гудит-у-у.

— Что, Швецов, холодно?

— Так точно, ваше благородие... Спокойно говорит, спокойно понимает!

— Вот начнется бой—теплее будет, а?

— Так точно. Перед смертью, конечно, ни жара, ни холод не страшны...

— Почему же перед смертью? Надо о победе думать, а не о смерти...

Молчит. И все, искоса поглядывая на меня, молчит. Солидно так молчит, точно камень.

Чувствуешь себя среди этих существ дьявольски одиноким и обиженным... Что то ребячье шевелится в душе... в голову лезут страшные мысли... хочется закричать этим людям:

— Братцы! Я тоже—русский... я ведь человек вашей земли... родные мои люди! В чем дело? О чем вы молчите?

Они ежатся, покрякивают от холода и—смотрят вперед, в холодный, сизоватый эдакий туман, где притаился враг. Спокойно смотрят, да.

Делается страшно.

Отв. редактор Д. ЛУКИН.
Издатель: ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ГСРЬКОВСКАЯ КОММУНА».